

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Выпускается
под руководством Отделения
историко-филологических наук

К 200-летию
Азиатского Музея —
Института восточных
рукописей РАН

Наука —
Восточная литература
2016

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ ВОСТОКА

Том 13, № 4

ЗУМД
2016

Журнал основан в 2004 году

Выходит 4 раза в год

Выпуск 27

Редакционная коллегия

Главный редактор д.и.н. **И.Ф. Попова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Заместитель главного редактора к.и.н. **Т.А. Пан** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

Секретарь к.ф.н. **Е.В. Танонова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **С.М. Анисеева** (Москва, изд-во «Наука–Восточная литература»)

акад. РАН **Б.В. Базаров** (Улан-Удэ, ИМБТ СО РАН)

проф. **Х. Валравенс** (Германия, Берлинская государственная библиотека)

чл.-корр. РАН **В.И. Васильев** (Москва, РАН)

О.В. Васильева (Санкт-Петербург, РНБ)

д.и.н. **М.И. Воробьева-Десятовская** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.П. Дервянко** (Новосибирск, ИАЭТ СО РАН)

к.ф.н. **Ю.А. Иоаннесян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

д.и.н. **А.И. Колесников** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **А.Б. Куделин** (Москва, ИМЛИ РАН)

к.и.н. **К.Г. Маранджян** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

акад. РАН **В.С. Мясников** (Москва, ИДВ РАН)

проф. **Не Хунъинь** (КНР, Пекин, Ин-т этнологии и антропологии АОН КНР)

чл.-корр. РАН **А.И. Османов** (Махачкала, ИИАЭ ДНЦ РАН)

к.и.н. **Вал.В. Полосин** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.и.н. **С.М. Прозоров** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

проф. **Н. Симс-Вильямс** (Великобритания, Лондонский университет)

проф. **Таката Токио** (Япония, Университет Киото)

акад. РАН **С.Л. Тихвинский** (Москва, ИДВ РАН)

Н.О. Чехович (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

к.ф.н. **Н.С. Яхонтова** (Санкт-Петербург, ИВР РАН)

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИКАЦИИ

Абдуллах бин Абдулкадир. «Рассказ о плавании Абдуллаха из Сингапура в Мекку» (1854). Предисловие, перевод с малайского и комментарии *Л.В. Горяевой* 5

Письма Высокомудрого Рэннэ (тетрадь четвертая, письма первое–седьмое). Предисловие, перевод с японского и комментарии *В.Ю. Климова* 24

ИССЛЕДОВАНИЯ

В.М. Рыбаков. Китайские верительные документы периода Тан и их правозащита 43

Е.П. Островская. Буддийская концепция материи: философские идеи и санскритская терминология 56

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

К.А. Битнер. Гармонизация текста в Большом свитке Исаяи (1QIsa^a XL 1–3) 67

Т.А. Пан, Н.Г. Пчелин. Портреты цинских военачальников из коллекции Государственного Эрмитажа: реставрация свитков и новое прочтение текстов 74

КОЛЛЕКЦИИ И АРХИВЫ

К.Г. Маранджян. История Сахалинского фонда из собрания ИВР РАН 91

С.С. Сабрукова. Платовский хурул (по материалам АВ ИВР РАН) 100

Р.Ю. Почакаев. Значение трудов О.Ф. Акимушкина для изучения государственности и права Восточного Туркестана XVI–XIX вв. 109

Э.С. Русинова. Прадед поэта А.А. Блока — исследователь Средней Азии 118

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

О.М. Чунакова. Фрейманские чтения–2016 (Санкт-Петербург, 25 мая 2016 г.) 124

Т.В. Ермакова. Встреча сотрудников ИВР РАН с профессором Иерусалимского университета А.Я. Сыркиным (Санкт-Петербург, 27 июня 2016 г.) 126

РЕЦЕНЗИИ

Апастамба-дхармасутра. Апастамба-грихьясутра. Мантрапатха / Вступит. ст., пер. с санскрита, коммент., прилож. Н.А. Корнеевой. — М.: Наука — Вост. лит., 2015 (Памятники письменности Востока. CXLV) — 438 с. (*С.Х. Шомахмадов*) 134

Железнова Н.А. Дигамбарская философия от Умасвати до Немичандры: историко-философские очерки / Ин-т востоковедения РАН. — М.: Восточная литература, 2012. — 431 с. (*С.Л. Бурмистров*) 138

На четвертой сторонке обложки: портрет Болбунчи. Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург.

© Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей), 2016

Значение трудов О.Ф. Акимушкина для изучения государственности и права Восточного Туркестана XVI–XIX вв.¹

Р.Ю. Почекаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург

В статье предпринимается попытка оценить роль и значение работ выдающегося востоковеда О.Ф. Акимушкина по истории Восточного Туркестана (Кашгарии) в изучении государственности и права этого региона. Несмотря на то что исследователь не занимался непосредственно политико-правовой проблематикой, его научные работы и в особенности осуществленные им исследования и переводы кашгарских исторических памятников содержат весьма ценный материал для историков государства и права. Анализ сведений, содержащихся в переводах и исследованиях О.Ф. Акимушкина, позволяет реконструировать систему власти, управления и правовых отношений в Восточном Туркестане XVI–XVII вв., а также понять причины последующей политической нестабильности в этом регионе, особенности его развития, в том числе в XVIII–XIX вв. Несомненно, именно в период, всесторонне исследованный ученым, были заложены основы последующей политической раздробленности региона, неоднократных вспышек религиозной борьбы, выдвижение самопровозглашенных правителей, использовавших различные факторы легитимации власти и т.д.

Ключевые слова: О.Ф. Акимушкин, государственность и право, Восточный Туркестан, Чингисиды, традиционное право, мусульманское право, история тюрко-монгольских народов.

Статья поступила в редакцию 02.08.2016.

Почекаев Роман Юлианович, канд. юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства НИУ ВШЭ, РФ; 198099, г. Санкт-Петербург, ул. Промышленная, 17 (ropot@mail.ru).

© Почекаев Р.Ю., 2016

Исследования по истории Восточного Туркестана являлись одним из основных направлений научной деятельности О.Ф. Акимушкина. В рамках этого направления им был подготовлен ряд статей, а также проведена гигантская работа по переводу и исследованию источников — в первую очередь «Хроники» Шах-Махмуда ибн Мирзы Фазила Чураса (Шах-Махмуд 1976)², исследование и комментированный перевод

¹ Статья представляет собой расширенную версию доклада, представленного на Иранистической конференции памяти О.Ф. Акимушкина (Санкт-Петербург, ИВР РАН, 17 февраля 2016 г.). Текст доклада ранее не публиковался.

² Текст был переведен на английский (Токио; Киото, 1982) и уйгурский (Урумчи, 1989) языки. Стоит отметить, что введение О.Ф. Акимушкина к этой публикации, в основу которого легла его диссертация кандидата филологических наук, является самостоятельным и весьма ценным научным произведением.

которой он считал главным достижением в своей научной биографии, и анонимного сочинения «Тарих-и Кашгар» (Тарих-и Кашгар 2001), которое сам он считал трудом того же Шах-Махмуда Чураса. Можно утверждать, что он сыграл решающую роль в изучении истории Восточного Туркестана (восточной части Чагатайского улуса — Могулистана — Кашгарии) XVI–XVII вв., вводя в научный оборот наиболее важные исторические источники, созданные современниками событий.

Ряд работ О.Ф. Акимушкина, посвященных Восточному Туркестану, относится к его основной научной специализации — источниковедению, истории культуры и литературы, некоторые его статьи посвящены политической истории Восточного Туркестана и соседних народов и государств и, соответственно, представляют интерес и для широкого круга специалистов по истории Центральной Азии, включая не только Восточный Туркестан, но и Бухарское, Казахское, Джунгарское ханства, Киргизию и др.

В данной работе хотелось бы обратить внимание на ценность научных исследований О.Ф. Акимушкина для специалистов по истории государства и права Восточного Туркестана. Сам Олег Федорович не был специалистом по данной тематике и не ставил целью ни в одной из своих работ дать характеристику государственного и правового развития исследуемого им региона. Тем не менее введенные им в оборот источники и сделанные на основе их исследования некоторые его собственные замечания позволяют сформировать некоторое представление об эволюции государственности и правовой системы Восточного Туркестана — собственно Могулистана и в особенности Кашгарии — и даже выявить политико-правовые причины того, что в последующие века этот регион (уже фигурировавший под названием Синьцзян) стал центром многочисленных драматических событий, восстаний, междоусобных войн и ареной борьбы «великих держав», до сих пор являясь одной из «горячих точек» планеты.

В самом деле, когда сначала китайцы (маньчжурская империя Цин) в середине XVIII в. превратили Восточный Туркестан в провинцию Синьцзян, а затем и русские (туркестанские) власти в 1870-е годы установили контроль над Илийским краем, превратив его на десятилетие в Кульджинский район Семиреченской области, они с удивлением обнаружили, что местное население имеет давние и прочные традиции государственного управления, самоуправления и правового регулирования, в корне отличающиеся от окружающих регион кочевых народов и государств (см., например: Matsuzato 2012: 90). Естественно, все эти традиции возникли отнюдь не накануне китайского нашествия, а существовали за века до него. И, как представляется, они стали закладываться и развиваться именно в тот период, который столь подробно и многосторонне был исследован О.Ф. Акимушкиным.

При анализе сведений политико-правового характера, содержащихся в переводах и исследованиях О.Ф. Акимушкина, можно выделить два основных аспекта их рассмотрения: сохранение правителями Восточного Туркестана чингисидских государственных и правовых традиций и инкорпорация мусульманских институтов в их систему управления и правового регулирования.

Соответственно, в рамках первого аспекта можно отметить ряд элементов чингисидских политико-правовых традиций в Кашгарии. Во-первых, принадлежность к роду Чингис-хана по прямой мужской линии и в XVII в. оставалась основным фактором легитимации власти ханов и султанов: не случайно Шах-Махмуд Чурас в самом начале «Хроники» приводит полную родословную своего патрона Исмаил-хана (ум. 1680) от Чингис-хана и даже от его легендарной прародительницы Алан-гоа (Шах-Махмуд 1976: 153).

От прежних чагатайских правителей ханы Восточного Туркестана унаследовали систему государственного устройства и управленческую структуру. Важным институтом власти являлся курултай, на котором (как и во времена Чингис-хана) принимались важнейшие государственные решения, производились назначения на высшие государственные должности и раздача уделов (Там же: 204). В работах О.Ф. Акимушкина и в переведенной им «Хронике» Шах-Махмуда Чураса фигурируют сановники, хорошо известные и по истории других чингисидских государств, — в частности, ишикага, накибы, кошбеги, йасавулы, тавачи, бахши и пр. (Акимушкин 1976: 122; Шах-Махмуд 1976: 158, 199, 200, 231). Впрочем, некоторые должности претерпели определенную эволюцию. Так, даруга, ранее являвшийся ханским наместником в той или иной области государства, теперь мог назначаться не только ханом, но и влиятельным родо-племенным предводителем: Шах-Махмуд Чурас упоминает о даругах, подчинявшихся бекам (Шах-Махмуд 1976: 184). Существенно возрастает статус аталыков, ранее являвшихся всего лишь наставниками царевичей в делах правления: теперь они приобретают значительные административные полномочия, могут назначаться на должности правителей областей и фактически являются как бы «вице-правителями» уделов при царевичах (Акимушкин 1976: 122; Шах-Махмуд 1976: 155). Эта традиция существовала и долгое время спустя после периода, изучавшегося О.Ф. Акимушкиным: в частности, титул аталыка носил знаменитый государственный деятель Восточного Туркестана — Якуб-бек (ум. 1877), правитель им же созданного государства Йэттишар.

О.Ф. Акимушкин вполне обоснованно отмечает, что Восточный Туркестан по своему государственному, административно-территориальному и социально-политическому устройству был близок соседнему Мавераннахру — в частности, современному ему Бухарскому ханству, которым в рассматриваемый период правили представители династий Шайбанидов и Аштарханидов. В частности, исследователь обращает внимание на то, что Могулистан, подобно Бухарскому ханству, был разделен на уделы, принадлежавшие представителям ханского правящего рода (Акимушкин 1976: 121–122).

Очень рано Могулистан превратился фактически в конфедерацию независимых владений, правители которых (члены местного правящего рода Чагатаидов-Тоглуктимуридов) зачастую лишь номинально признавали власть старшего хана. Первый такой раздел произошел в 1516 г. между сыновьями Султан-Ахмад-хана (ум. 1504) — Мансур-ханом (ум. 1545), обосновавшимся в Турфане, и его младшим братом Султан-Саид-ханом, столицей которого стал Яркенд (ум. 1533) (Акимушкин 2004: 260). В дальнейшем дробление государства продолжилось: Абд ар-Рашид-хан (ум. 1560), сын Султан-Саида, еще при жизни разделил владения между двенадцатью своими сыновьями (Шах-Махмуд 1976: 154–155). Естественно, после смерти отца эти царевичи, уже успевшие приобрести опыт правления и обзавестись контактами с местной знатью, не собирались признавать власть своего старшего брата, унаследовавшего ханский титул от отца³. Лишь двум правителям — Абд ал-Карим-хану (ум. 1591) в 1570–1580-е годы и Абдаллах-хану (ум. 1670) в 1640–1660-е годы удавалось подчинить практически все удельные владения в Кашгарии своей власти (Акимушкин 2004: 260). В остальное время государство оставалось раздробленным, и ханы фактически устранялись от вмешательства в дела тех или иных уделов, за исключением случа-

³ Соправительство «старших» и «младших» ханов, имевшее место в Кашгарии, также было характерно и для среднеазиатских государств Чингисидов, в частности Бухарского ханства; см., например (Султанов 2006: 302).

ев открытого неповиновения их власти или попыток сепаратизма (Акимушкин 1976: 121–122). Шах-Махмуд Чурас приводит весьма красноречивый пример действия такой системы власти: когда один из ханов своим указом-ярлыком стал назначать на должность чиновников в одном из уделов, местный правитель (ханский брат) сначала терпел, но на третий раз через своего представителя напомнил хану, что между ними существует договор о невмешательстве хана в его дела, а «государя не отказываются от своих слов» (Шах-Махмуд 1976: 171)⁴.

Вероятно, именно тогда начала складываться система, впоследствии получавшая название Алтышар («Шестиградье») или Йэттишар («Семиградье»). Со временем это послужило причиной того, что и в XIX в., когда в Восточном Туркестане происходили многочисленные антикитайские восстания, в регионе одновременно возникало по несколько самопровозглашенных государств, и ни одному предводителю восставших не удалось объединить под своей властью всю территорию.

Еще одной сходной чертой политического развития Восточного Туркестана с другими государствами Чингисидов стал рост влияния кочевой родо-племенной аристократии, который начался практически во всех улусах бывшей Монгольской империи после того, как они, в свою очередь, начали распадаться и утратили имперский статус. В Чагатайском улусе этот процесс начался в 1330–1340-е годы — как раз когда из его состава и выделился Могулистан, правители которого добились независимости именно при поддержке влиятельных родо-племенных вождей (см., например: Строева 1958). Именно эти потомственные аристократы обладали наивысшим влиянием при ханах, получали от них высшие административные и военные должности, становились правителями владений — нередко также практически независимых от власти ханов-Чагатаидов. От окончательного распада ханства на независимые улусы под властью этих родо-племенных предводителей правящую династию спасало одно: большинство этих вождей соперничали между собой, «местничали» за высшие командные должности, старались убрать с дороги конкурентов, не брезгуя доносами и оговорами и т.д. (см.: Акимушкин 1976: 37–38; Шах-Махмуд 1976: 181, 238).

Сведения об отдельных сферах правоотношений в источниках, введенных в оборот О.Ф. Акимушкиным, являются краткими и лапидарными, но тем больше их ценность, поскольку даже такая скудная информация позволяет сделать некоторые выводы о преемственности правовой системы Восточного Туркестана от прежних чингисидских государств, а также и о правовой политике отдельных ханов. Так, имеются некоторые сведения о наказаниях за государственные преступления, в частности за государственную измену, выразившуюся в неповиновении государю и оказании открытого сопротивления ему. Чаще всего за такие преступления казнили, причем смертный приговор выносили даже членам ханского рода — так было, например, с Искандар-султаном, племянником Шуджа ад-Дина Ахмад-хана, который в 1614 г. за мятеж против дяди лишился жизни (Шах-Махмуд 1976: 189–191). Впрочем, в ряде случаев, если того или иного царевича всего лишь подозревали в мятежных настроениях, его могли отправить в ссылку — так, в 1650-е годы хан Абдаллах поступил со своими братьями Ибрахимом и Исмаилом (Там же: 216–217). Менее же знатные лица нередко умерщвлялись и по подозрению в неблагонадежности, и даже на основании простых доносов (Там же: 238).

⁴ Кстати, и сам принцип верховенства ранее изданного ханского указа над волеизъявлением даже издавшего его хана — тоже принцип чингисидского права. В частности, известен пример, когда два русских князя, спорившие о великом княжении, обратились к суду хана, и он, несмотря на личные симпатии к одному из претендентов, вынес решение в пользу другого — кому прежде уже выдавал ярлык на великое княжение (ПСРЛ 1949: 249).

Еще одна сфера правоотношений, о которой упоминается, в частности, в «Хронике» Шах-Махмуда Чураса, — это земельно-правовые отношения. Ханы своими ярлыками жаловали земельные владения своим верным соратникам в собственность — «мульк» или «милк» (Там же: 175). Естественно, подобное пожалование хан имел возможность (и право) делать только в отношении земель, относившихся к его собственному домену (Акимушкин 1976: 121). Тут имеет смысл добавить, что сведения Шах-Махмуда Чураса и выводы О.Ф. Акимушкина подтверждаются официальными правовыми актами — двумя ярлыками ханов Восточного Туркестана, введенными в оборот М.А. Усмановым. Первый из них выдан в 924 г.х./1518 г. вышеупомянутым Мансур-ханом и содержит пожалование суюргального владения, т.е. земельного надела, снабженного налоговым и административным иммунитетом (один из традиционных чингисидских правовых институтов XIV–XV вв.); второй выдан Турфанским правителем Султан-Саидом Баба-ханом (ум. 1680) в 1061 г.х./1656 г. и содержит пожалование вакуфного владения (Усманов 2006: 96–97)⁵.

В данном случае мы имеем возможность видеть весьма своеобразное сочетание элементов чингисидского права (в виде ханских ярлыков) и права мусульманского (в виде отдельных категорий земельной собственности). Соответственно, перейдем к характеристике сведений из трудов и переводов О.Ф. Акимушкина о действии мусульманских принципов в государственном и правовом развитии Восточного Туркестана.

Говорить о том, что мусульманские политико-правовые институты были введены «с нуля» кашгарскими Чингисидами, естественно, не приходится: они существовали в регионе задолго до вхождения его в состав Чагатайского улуса (см., например: Тихонов 1966: 46 и сл.). Однако следует иметь в виду, что после установления власти Чингисидов в регионе они оказались как бы отодвинуты на второй план и стали своего рода «местным» правом для мусульманских подданных ханов-Чагатаидов. Тем не менее со временем они были интегрированы в политико-правовую систему государства рядом правителей Чагатайского улуса (Бораком, Тармаширином) и основателем Могулистана — Тоглук-Тимур-ханом. К эпохе, исследуемой О.Ф. Акимушкиным, мусульманские институты являлись уже неотъемлемыми элементами в государственности и праве региона.

Наряду с чингисидскими институтами управления в административной структуре Восточного Туркестана функционировали и мусульманские институты. В исторических источниках, введенных в научный оборот О.Ф. Акимушкиным, фигурируют вазирь и главы дивана, михрдары, мутаввали (попечители вакуфного имущества) мирахуры, мирабы (заведующие орошением), амир ал-умара, хакиды и их заместители — накибы (правители городов и селений) (Акимушкин 1976: 122; Шах-Махмуд 1976: 174, 199, 200); специфические функции выполнял назначаемый ханом попечитель богоугодных заведений (Шах-Махмуд 1976: 191). Судебную власть осуществляли кази, высшего из которых также назначал хан (Там же: 161, 173, 215). Стоит отметить, что под конец существования Кашгарии как чингисидского государства его правители все больше склонялись в пользу мусульманских политико-правовых институтов, предпочитая их чингисидским — равно как и мусульманские правовые нормы при решении судебных дел и принятии государственных решений (Там же: 249).

⁵ М.А. Усманов также упоминает и третий ярлык, выданный тем же Бабаханом в 1078 г.х./1667 г., однако им правитель жалует тарханство (т.е. личный налоговый и судебный иммунитет) трем лицам и их потомкам, что не относится к рассматриваемой нами сфере земельно-правовых отношений.

Еще одним последствием усиления значения мусульманских политико-правовых традиций в Восточном Туркестане стал рост влияния авторитетных представителей мусульманского духовенства — ходжей, являвшихся также и главами суфийских орденов. О.Ф. Акимушкин прослеживает, как эти религиозные деятели постепенно приобретали и светскую власть, значительные владения и пр., со временем входя в число наиболее влиятельных ханских приближенных, диктующих свою волю не только родо-племенной аристократии, но и самим ханам (Акимушкин 1976: 29–34).

Вначале, на рубеже XVI–XVII вв. верховенство среди этих ходжей имели так называемые «черногорцы», потомки почитаемого руководителя ордена накшбандийа Ахмада ал-Касани (Махдум-и Азама): они пользовались ханским покровительством, и сами ханы объявляли себя их мюридами (Шах-Махмуд 1976: 162 и сл.). Однако в дальнейшем в борьбу за власть с ними вступила другая ветвь потомков Махдум-и Азама — «белогорцы», которые сочли возможным обратиться за помощью к джунгарским правителям, несмотря на то что последние являлись буддистами (см., например: Кычанов 1980: 62). Хань Джунгарии давно уже намеревались установить собственный контроль над слабеющим Кашгарским ханством. Поскольку джунгарские правители сами не были Чингисидами, поддержка правителей, принадлежавших к «Золотому роду» (хотя поначалу они и поддерживали одних кашгарских Чагатаидов в ущерб другим), не устраивала их. Неудивительно, что они с готовностью поддержали «белогорских» ходжей, которые, не будучи потомками Чингис-хана, имели, по мнению ойратских ханов, сомнительную легитимность и, соответственно, должны были бы быть полностью лояльны Джунгарии, при поддержке которой пришли к власти. В результате Восточный Туркестан в конце XVII в. был оккупирован ойратами, и в городах были размещены их гарнизоны. Весьма интересно замечание О.Ф. Акимушкина о том, что кашгарские же хронисты повествуют об этих событиях весьма буднично, как будто подобное развитие событий давно ожидалось и было закономерным (Акимушкин 2001: 10).

Однако правители Джунгарии, будучи буддистами, не учли особенности политического и правового сознания мусульманского населения Восточного Туркестана. Чтобы обеспечить законность своего правления в глазах кашгарцев, «белогорцы» не нуждались в принадлежности к роду Чингис-хана, предложив собственный, «альтернативный», фактор легитимации власти. Таковым стала сомнительная, но весьма убедительная генеалогия их рода, выводившая происхождение потомков Ахмада ал-Касани от самого халифа Али б. Абу Талиба, двоюродного брата пророка Мухаммада (Акимушкин 1976: 51–53). В результате именно представители этой династии со временем стали правителями всего Восточного Туркестана и оставались таковыми вплоть до завоевания этого государства империей Цин в 1760 г. Как известно, именно представители рода «белогорцев» становились предводителями многочисленных антицинских восстаний на протяжении почти всего XIX в. С учетом обстоятельств, исследованных О.Ф. Акимушкиным, можно увидеть, что это были не просто авантюристы, ставленники Кокандского ханства, противостоявшего Китаю в борьбе за влияние в Восточном Туркестане⁶, а именно законные (в глазах местного населения) потомственные правители — в отличие от Чингисидов, сошедших с политической сцены уже в конце XVII в. На это указывает, в частности, тот факт, что к имени ходжей прибавлялись приставки «хан» и «торе», что отражало признание их прав на верховную власть (см. подробнее: Почекаев 2004).

⁶ Противостоянию империи Цин и Кокандского ханства в Центральной Азии посвящена специальная монография (Newby 2005).

Закономерности политико-правового развития Восточного Туркестана, на которые обращал внимание в своих исследованиях О.Ф. Акимушкин, относились к изучавшемуся им периоду XVI–XVII вв. Однако если мы обратимся к работам исследователей региона более позднего времени — в частности, к запискам российских и европейских дипломатов и путешественников, побывавших в этом регионе гораздо позднее, уже в XIX в. (Ч.Ч. Валиханов, А.Н. Куропаткин, Н.Ф. Петровский, Г.У. Белью, Д.Ч. Булгер, Р. Шоу и др.), то получим возможность убедиться, что многие государственные и правовые традиции сохранялись в регионе и в это время. Более того, предводители антикитайских восстаний (и в первую очередь — вышеупомянутый Якуб-бек) подчеркнуто старались следовать им, чтобы продемонстрировать восстановление прежней кашгарской государственности, противопоставляя ее цинской системе власти и правового регулирования.

Таким образом, можно сделать вывод, что исследования и переводы О.Ф. Акимушкина имеют большое значение для изучения истории государственности и права Восточного Туркестана и их эволюции, тем самым представляя интерес не только для историков и востоковедов, но и историков права, для большинства которых без колоссальной работы, проделанной ученым, сведения о политико-правовом развитии этого региона остались бы недоступными.

Литература

- Акимушкин 1976 — *Акимушкин О.Ф.* Введение в изучение памятника // Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас. Хроника / Крит. текст, пер., коммент., исслед. и указ. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1976. С. 23–146.
- Акимушкин 2001 — *Акимушкин О.Ф.* «Тарих-и Кашгар»: источниковедческий и историографический анализ // Тарих-и Кашгар. Анонимная тюркская хроника владельцев Восточного Туркестана по конец XVII века / Изд. текста, введ. и указ. О.Ф. Акимушкина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. С. 7–30.
- Акимушкин 2004 — *Акимушкин О.Ф.* Хронология правителей восточной части Чагатайского улуса (линия Туглук-Тимур-хана) // *Акимушкин О.Ф.* Средневековый Иран. Культура. История. Филология. СПб.: Наука, 2004. С. 257–269.
- Кычанов 1980 — *Кычанов Е.И.* Повествование об ойратском Галдане Бошокту-хане. Новосибирск: Наука, 1980.
- ПСРЛ 1949 — Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949.
- Почекаев 2004 — *Почекаев Р.Ю.* Эволюция тóре в системе монгольского средневекового права // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2004. С. 530–543.
- Строева 1958 — *Строева Л.В.* Борьба кочевой и оседлой знати в Чагатайском государстве в первой половине XIV в. // Памяти академика Игнатия Юлиановича Крачковского. Л.: ЛГУ, 1958. С. 206–220.
- Султанов 2006 — *Султанов Т.И.* Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М.: АСТ.
- Тарих-и Кашгар 2001 — Тарих-и Кашгар. Анонимная тюркская хроника владельцев Восточного Туркестана по конец XVII века / Изд. текста, введ. и указ. О.Ф. Акимушкина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.
- Тихонов 1966 — *Тихонов Д.И.* Хозяйство и общественный строй Уйгурского государства X–XIV вв. М.; Л.: Наука, 1966.
- Усманов 2006 — *Усманов М.А.* О ханских ярлыках из Турфана // *Turcica et Ottomanica*: Сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. М.: Восточная литература, 2006. С. 92–100.
- Шах-Махмуд 1976 — *Шах-Махмуд ибн Мирза Фазил Чурас.* Хроника / Крит. текст, пер., коммент., исслед. и указ. О.Ф. Акимушкина. М.: Наука, 1976.

- Matsuzato 2012 — *Matsuzato K.* Intra-Bureaucratic Debate on the Institution of Russian Governors-General in the Mid-Nineteenth Century // *Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts* / Ed. by T. Uyama. New York: Routledge, 2012. P. 83–101.
- Newby 2005 — *Newby L.J.* The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860. Leiden; Boston: Brill, 2005.

References

- Akimushkin, O.F. “Vvedenie v izuchenie pamyatnika” [Introduction into the study of a monument]. In: *Shakh-Makhmud ibn Mirza Fazil Churas. Khronika*. Krit. tekst, per., komment, issled. i ukaz. O.F. Akimushkina [Chronicle. Critical text, transl., comm., study and index by O.F. Akimushkin]. Moscow: Nauka, 1976, pp. 23–146 (in Russian).
- Akimushkin, O.F. “‘Tarikh-i Kashgar’: istochnikovedcheskiy i istoriograficheskiy analiz” [“Tarikh-i Kashgar”: Source Study and Historiographical Analysis]. In: *Tarikh-i Kashgar. Anonimnaya tyurkskaya khronika vladeteley Vostochnogo Turkestana po konets XVII veka*. Izd. teksta, vved. i ukaz. O.F. Akimushkina [Tarikh-i Kashgar. Anonymous Turkic Chronicle of Rulers of the Eastern Turkestan until the End of the 17th Century. Ed., introd. and index by O.F. Akimushkin]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001, pp. 7–30 (in Russian).
- Akimushkin, O.F. “Khronologiya praviteley vostochnoy chasti Chagatayskogo ulusa (liniya Tugluk-Timur-khana)” [Chronology of Rulers of the Eastern Part of Chagatai Ulus (Tugluk-Timur Khan’s Line)]. In: Akimushkin O.F. *Srednevekoviy Iran. Kul’tura. Istoriya. Filologiya* [Medieval Iran: Culture. History. Philology]. St. Petersburg: Nauka, 2004, pp. 257–269 (in Russian).
- Kychanov, E.I. *Povestvovanie ob oyratskom Galdane Boshoktu-khane* [Narration about the Oirat Galdan Boshoktu Khan]. Novosibirsk: Nauka, 1980 (in Russian).
- Matsuzato, K. “Intra-Bureaucratic Debate on the Institution of Russian Governors-General in the Mid-Nineteenth Century”. In: *Asiatic Russia: Imperial Power in Regional and International Contexts*. Ed. by T. Uyama. New York: Routledge, 2012, pp. 83–101 (in English).
- Newby, L.J. *The Empire and the Khanate: A Political History of Qing Relations with Khoqand c. 1760–1860*. Leiden; Boston: Brill, 2005 (in English).
- Polnoe sobranie russkikh letopisei, t. XXV. Moskovskii letopisnyi svod kontsa XV veka* [Complete Collection of Russian Chronicles, vol. 25. Moscow Annalistic Code of the End of the 15th Century]. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR, 1949 (in Russian).
- Pochekaev, R.Yu. Evoliutsiya töre v sisteme mongol’skogo srednevekovogo prava [The Evolution of *tore* in the System of Medieval Mongol Law]. In: *Mongol’skaia imperiia i kochevoi mir* [The Mongol Empire and the Nomadic World]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN, 2004, pp. 530–543 (in Russian).
- Shakh-Makhmud ibn Mirza Fazil Churas. *Khronika*. Krit. tekst, per., komment., issled. i ukaz. O.F. Akimushkina [Chronicle. Critical text, transl., comm., study and index by O.F. Akimushkin]. Moscow: Nauka, 1976 (in Russian).
- Stroeve, L.V. “Bor’ba kochevoy i osedloy znati v Chagatayskom gosudarstve v pervoy polovine XIV v.” [Struggle between the Nomadic and settled Aristocracies in the Chagatai Ulus in the First Half of the 14th Century]. In: *Pamyati akademika Ignatiya Yulianovicha Krachkovskogo* [In Commemoration of Ignatius Yu. Krachkovskiy]. Leningrad: Leningradskii Universitet, 1958, pp. 206–220 (in Russian).
- Sultanov, T.I. *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud’ba i vlast’* [Genghis Khan and His Progeny: Destiny and Power]. Moscow: AST, 2006 (in Russian).
- Tarikh-i Kashgar. Anonimnaya tyurkskaya khronika vladeteley Vostochnogo Turkestana po konets XVII veka*. Izd. teksta, vved. i ukaz. O.F. Akimushkina [Tarikh-i Kashgar. Anonymous Turkic Chronicle of Rulers of the Eastern Turkestan until the End of the 17th Century. Ed., introd. and index by O.F. Akimushkin]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2001 (in Russian).
- Tikhonov, D.I. *Khoziaistvo i obshchestvennyi stroi Ugurskogo gosudarstva X–XIV vv.* [Economy and Social Structure of the Uighur State of the 10th–14th Centuries]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966 (in Russian).

Usmanov, M.A. "O khanskikh iarlykakh iz Turfana" [On Khans' *yarliks* from Turfan]. In: *Turcica et Ottomanica: Sbornik statey v chest' 70-letiya M.S. Meyera* [Turcica et Ottomanica: Collected Works on the Occasion of the 70th Anniversary of M.S. Meyer]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2006, pp. 92–100 (in Russian).

Importance of Works of O.F. Akimushkin for the Study of State and Law of the Eastern Turkestan of the 16th–19th Centuries

(Pis'mennye pamiatniki Vostoka, volume 13, no. 4, pp. 109–117)
Received 02.08.2016.

Roman Yu. Pochekaev

St. Petersburg Branch of the National Research University, Higher School of Economics; ul. Promyshlennaia 17, St. Petesburg, 198099 Russian Federation.

The article is an attempt to appreciate the role and importance of works of the outstanding Russian orientalist O.F. Akimushkin for the study of history of the Eastern Turkestan (Kashgaria) from the standpoint of the study of state and law of this region. Although the scholar did not concentrat on problems of political and legal development of the Eastern Turkestan, his research works and especially his study and translations of Kashgar historical monuments contain information of considerable value for historians of state and law. Analysis of the information from the works and translations by O.F. Akimushkin, gives us an opportunity to reconstruct the system of power, administration and legal relations in the Eastern Turkestan of the 16th–17th centuries as well as to understand clearly the reasons for further political instability in the region, specific features of its development until the 18th and 19th centuries. No doubt that it was during the period of time studied in detail by O.F. Akimushkin that the basics of further political fragmentation were laid, featuring reiterated religious rebellions, appearance of self-proclaimed rulers who used different factors to legitimate their power, etc.

Key words: O.F. Akimushkin, state and law, Eastern Turkestan, Genghis Khan's family line, traditional law, Islamic law, hisrory of the Turkic and Mongol peoples.

About the author:

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State of the St. Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics.